

Старцы и подвижники XX века

Мы богатые – у нас есть Господь!

(Окончание.)

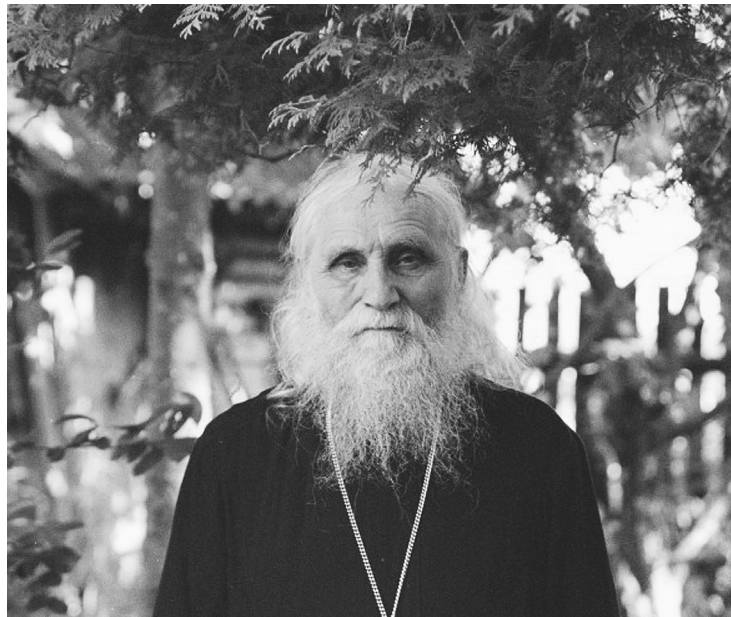
Начало на 1-й странице)

Сам батюшка всех очень любил. Был он как одуванчик, такой невесомый с виду и легкий в общении. У него с детства был друг – Ангел-Хранитель, так сам батюшка говорил про себя. А я даже когда с ним рядышком стоял, приятно было просто находиться возле настоящего Божьего человека.

Специально для нашей газеты выписала заметки о необыкновенном старце и супруга Михаила Борисовича, Елена Аверьяновна.

По свидетельству известного архимандрита, которого на Руси тоже старцем величают, Кирилл Павлова: «Старец Николай Гурьянов с острова Залит – светильник, подобный Серафиму Саровскому». Бога он любил. Сам смиренный и благостный. Старец, обладавший даром прозревать дыхание Небес. Он день и ночь молил Господа простить народу русскому грех Цареубийства, просил освободить Россию от нечистого духа, пленившего народ. Сильно скорбел о сокровище нашем – затопленной Царской Руси. Сам отец Николай – воплощение Царской Руси, непотопляемый Русский Варяг.

Старец видел, что в русском человеке есть покаяние, зрение глубины своих грехов,

а значит, и очищение сердца, и просвещение ума. Пол-России сумело побывать в его келии. Он учил укрываться от сатанского ветра (неверия в воскресение мертвых, алчности и жестокости – ред.), дабы не погас пламень веры в сердце.

Старец был благословен Самим Господом еще в раннем отрочестве, когда Спаситель явился ему и, как говорил старец, «крепко взял меня за руку – и держит поныне». Отец Николай имел редкое сокровище – дар рассуждения. Никого, кроме Господа, не знал и не искал. Отец Николай, принял от Священномученика Вениамина Петроградского наперстный Крест и свяи-

тельское благословение на старчество и архиерейство. Отец Николай Гурьянов был тайный епископ – Владыка Нектарий, духовное чадо митрополита Петроградского и Гдовского Вениамина (1922 год). Он завещал чадам, любящим его: «Просите все святого Царя – Мученика Николая, чтобы не было войны. Он любит и жалеет Россию». «Ради Великой Жертвы Царя за Русь Господь сохранил Церковь».

Святейший Патриарх Алексей II назвал батюшку «Светочем веры» и «Столпом Православия и Старчества». «Не плачьте! Теперь отец Николай у Престола Небесного за нас молится» – утешал паству незабвен-

ный архимандрит Иоанн (Крестьянкин).

Отец Николай жил полностью по Нагорной проповеди Христа. Любовь и вера определяли его жизнь. И желанием его было, чтобы они определяли жизнь каждого человека: «Если живешь со Христом, а Он в тебе – то все очень просто!» «Выйдите из дому, посмотрите на Небо и помолитесь мысленно за Россию, это моя к вам личная просьба», – просил всех старец. – «Помните, что жизнь основана на ВЕРНОСТИ! Верности друзьям, верности прекрасному и доброму, верности стране, в которой живешь, верности Монарху, и, наконец, верности, которая объединяет все выше перечисленное, верности Богу». Батюшка был верным.

Отец Николай, истинный старец, не требовавший безрассудного подчинения, он не разрушал внутренний мир человека, а врачевал молитвой, направлял, не ломая и не причиняя боли. Батюшка говорил про Москву, где почти нет воздуха, но есть Святыни и Святые.

Батюшка Николай был кроток, то есть укротил в себе страсти. Свое первое пророчество он произнес в 9 лет, когда Царя и Царскую Семью загубили: «Все должны веровать в Бога и почитать Царя. Если никто не будет говорить о Боге и Царе – все умрут». «Мне-то Царская Семья род-

ные... По духу и по крови – по линии Александры Федоровны ... Моя мама была знакома с Царской Семейю, и я, маленьким, несколько раз встречался с Ними. Бывал у Них ... Они приезжали на Богомолье в Михайловский храм, в Кобылье Городище. Престол там был мраморный при Государе Императоре Николае поставлен и освящен, это его дар святому алтарю» – говорил старец, – «Молитва ко Святому Царю-Мученику Николаю – это духовный щит России!»

В сердце келейницы батюшкиной хранятся его слова: «Я ничего без благословения матушки не делал. Никогда. Бывало, спрошу: «Мама! А это не грешно?!» – «Нет, сынок». – Тогда и делаю, что задумала». Так жила благочестивая Русь. Потому крепко стояла за послушание детей родителям. А другом батюшки был его Ангел Хранитель, в счастье и в несчастье.

О России старец говорил: «Россия была, есть и будет! ... Только Православие имеет истинную силу. И сердцем это знают все, неверующих людей нет. Есть несчастные, заблудившиеся ... Им надо помочь молитвой и нашей христианской жизнью». Батюшка Николай всегда радовался, что мы – православные, «самые большие богачи, потому что у нас есть Господь».

Записано со слов келейницы старца Николая Гурьянова, схимонахини Николаи. Книга «Русская Свеча».

История и судьбы человеческие

Серде матери

Уже много лет Людмила Михайловна Шкильная бессменная дежурная в Васильевском храме – почти с первых дней, как началось его восстание из руин. Удивительно сложилась ее судьба, созвучна она многострадальному терпеливцу храму, к которому раба Божия Людмила давно прикипела всей душой. Храм день за днем сбрасывал оковы запустения, и душа батюшкиной помощницы потихоньку высвобождалась из плена советского безбожия. Как и многие ее сверстницы, Людмила Михайловна корнями веры своей всецело обязана родителям ...

Людмила Михайловна: В детстве было нас у мамы трое. Я младшая. Мама очень в Бога верила. Звали ее Евдокия Филипповна. Жили мы в деревне Кононовка Рязанской области. Храм был в другом селе, но я с детства помню, как батюшки ходили и благословляли нас, окропляли святой водичкой. В переднем углу дома у нас всегда были иконы. Мама часто ходила на отпевания. Она была очень добрая! Сама болела, а бабушкам в деревне многим помогала: то в магазин сходить, то яблочком из нашего сада угостить. У нас сад был большой. Как она молилась, я никогда не видела, но стала подрастать и заметила, что в пост мама сильно худела. Чуть-чуть до 80-ти лет не дожила, по старости все как-то тихонечко, никому не жаловалась. А ведь она знала, когда умрет, со слезами со мной прощалась. И умерла тихо – лицо было светлое, чистое!

Папа мой, Михаил Иванович, старался жить по совести. Душа у него была добрая. В детстве рано остался без родителей, жил с бабушкой. Лет с двенадцати у помещика пас свиней, и до зари ему вставать приходилось, труд с детства был ему как «хлеб насущный». На войне Отечественной попал в окружение и в лагерь для военнопленных угодил. Но с парнем одним сбежал от фашистов. За ними гнались. Они через речку плыли, и папка выплыл на тот берег, слава Богу, бежал. Через Украину шел. Попал под обстрел, осколок ему в голову угодил. После боя раненых подбирали, его чуть мимо не обошли, подумали, что мертвый, но он голову приподнял, прошептал: «Ребята, я жив!» Так с осколком и жил потом до 83-х лет. Папа искренний такой был человек и с живым юмором. Братика моего в детстве похоронили, других сыновей у папы не было, так все меня с собой

брал на рыбалку, и на охоту, и за грибами. А от меня сколь помощи – то сова криком напугает, то уток убитых мне станет жалко до слез... А вернемся мы с ним в деревню, люди возле него соберутся, он им что-то рассказывает, все слушают. Хорошие у меня были родители, добрые оба, и умерли красиво, Царствие им Небесное!

Но я, как многие при Советской власти, Бога не знала. Когда в старших классах училась, правда, однажды с ребятами зашли мы в храм в большом селе. Ради любопытства поглазеть – вот и все, что осталось от Бога из школьной поры.

В жизни, куда меня только ни носило. Хотела поступать в институт, но с математикой у меня дело обстояло так хорошо, что без специального образования приняли меня в сельсовет бухгалтером работать, да и родителям надо было помочь. А потом почти вся молодежь уехала из Кононовки, начиналось запустение деревни. Не раздумывая, и я отправилась в Самарканд к сестре.

Поезд пришел на станцию в 12 часов ночи, адрес я забыла, по-житейски бестолковая была, и чуть было не попала в руки недобрых людей. Но вот сейчас это хорошо понимаю – Бог хранил меня, ничего страшного не произошло. Наверное, по молитвам мамы.

Устроилась я на завод по производству домашних холодильников. Работала очень хорошо. А с Генкой своим познакомилась смешно. Делали нам прививки, он вдруг сознание поте-

рел, я пожалела его, а после он все за мной ходил да ходил, фотографию даже мою с доски Почета украл на память. Потом решили мы вместе с молодежью в Усть-Илимск на комсомольскую стройку отправиться. Там на Ангаре мы город новый строили. Я работала штукатуром-маляром, была активной, и меня избрали секретарем комсомольским. Природа там красивая, но вода в Ангаре холодная. Вдоль берега сосны огромные, а внутри островка озерко, в нем вода теплая, на островке березки красивые – место краешком родины нам казалось. Там и на лодочке мы катались. В Усть-Илимске мы и поженились с Генкой, свадьбу комсомольскую сыграли. Первый сын там наш родился.

Только снабжение на стройку Илимскую из Москвы приостановили вдруг, как-то голодно стало, чтобы достать съестное, ночами в очереди у магазина дежурили, костры жгли, ночи-то холодные! Вскоре и вернулись обратно в Самарканд, а после домой поехали, попытались рядом с родителями в Кононовке устроиться. Я и телятницей была и бригадиром. Там у нас красота – Мокша впадает в Оку, луга заливные, трава хорошая, сено ставили для скота. Ягод летом много, особенно клубники дикой. Да недолго там прожили, с продуктами тоже стало худо. У меня уж двое мальчишек было. Сестра позвала в Московскую область. И в 70-х годах мы переехали в Хотьково сначала, а потом уж в Васильевское. Тут и дочь у меня родилась.

Продолжение на стр. 3